

А.Н. Хохлов

ИБ РАН

Китаист М.Г. Оводов и его пекинская коллекция

Согласно архивным данным, Михаил Григорьевич Оводов – сын священника, получивший начальное образование в Архангельской духовной семинарии, по окончании которой обучался в С.-Петербургской духовной академии. В свидетельстве, выданном 24 мая 1848 г. С.-Петербургской Духовной Академией, сказано: «Михаил Оводов, [уроженец] Архангельской губернии Холмогорского уезда, находящегося при Крестном монастыре священника Григория Оводова сын, имеющий ныне от роду 21 год, по окончании учения в Архангельской духовной семинарии в августе 1847 г. поступил в С.-Петербургскую Духовную Академию, где обучался при способностях – „очень хороших“, прилежании – „ревностном“ и поведении – „весьма честном“ наукам: философским, словесным, историческим, физико-математическим, чтению Св. Писания – „очень хорошо“, языкам греческому, латинскому, немецкому и французскому – „хорошо“.

Ныне же, согласно его желанию, определением Святейшего Правительствующего Синода назначен к поступлению в число членов Российской Православной Пекинской миссии в звании иеродиакона. Почему Правлением С.-Петербургской Духовной Академии уволен из училищного ведения в ведомство Министерства Иностранных Дел»¹.

В октябре 1848 г. молодого Оводова по пострижении в монашество нарекли Иларионом и вместе с новым начальником Пекинской духовной (православной) миссии архимандритом Палладием (в миру Пётр Иванович Кафаров, 1817–1878) отправили в столицу цинского Китая. Здесь он энергично занялся изучением китайского языка, чем сразу привлек внимание своего патрона. Уже в донесении от 22 ноября 1851 г. в Азиатский департамент МИД Палладий высоко отзывался о способностях Илариона и называл его не иначе как «даровитый

собрат наш». В другом донесении от 10 (22) марта 1852 г. глава миссии отмечал, что «о. Иларион обладает светлым умом и редкими дарованиями»².

Основательно ознакомившись с китайской письменностью, М.Г. Оводов занялся серьёзным изучением буддизма в Китае, и в результате настойчивых усилий ему удалось перевести с китайского языка два сочинения. В первом из них речь шла об обряде поступления в монашество, описанном известным тибетским учёным-монахом Пагбою. Второе сочинение заключало в себе сокращённый кодекс наставлений для монашествующих, также подготовленный тибетским учёным Пагбою. В донесении от 15 (27) марта 1854 г. Палладий сообщил в Азиатский департамент МИД о том, что Иларион, помимо китайского буддизма, серьёзно увлекся изучением материалов о Маньчжурии, Монголии и Тибете, при этом с похвалой отмечал, что Иларион «ознакомился с маньчжурским языком настолько, что удобно может читать писанные на оном книги»³.

На основе изученных новых китайских и маньчжурских источников Иларион, согласно архивным данным, подготовил статью «О покорении Албазина маньчжурами», которая была доставлена в Азиатский департамент МИД с донесением архимандрита Палладия от 14 марта 1854 г. Другая статья Илариона, также посвящённая начальному периоду взаимоотношений Русского государства с империей Цин (отправленная в Петербург с донесением Палладия от 24 ноября 1853 г.), удостоилась одобрительного отзыва руководства Азиатского департамента, в письме которого от 17 марта 1854 г. (№ 843) автору была выражена благодарность «за его любопытный труд»⁴.

Чтобы лучше представить научную значимость работ Илариона, позволяющих судить об их разнообразии, достаточно обратиться хотя бы к донесению архимандрита Палладия от 23 марта 1855 г., где о широте его дальнейших изысканий было сказано:

«Он перевёл описание обычаев индийских буддистов и не упустил из внимания и другие отрасли китайской литературы, как по части государственного управления и китайской философии, так и в особенности [по части] путешествий. Некоторые сочинения по сей последней части им уже переведены. Вообще я должен упомянуть, что китайские описания путешествий по внутреннему Китаю и подвластным или сопредельным ему странам составляют любопытную и малоизвестную литературу, заслуживающую с нашей стороны особого изучения. Кроме уже представленных [Азиатскому] департаменту путешествий, у нас имеются в виду ещё другие [китайские] сочинения, стоящие перевода и могущие составить свод дневников, как необходимое дополнение к географическим познаниям о китайской империи...

Осмеливаюсь повторить перед Департаментом, что труды членов миссии по изучению китайского языка и его словесности по мере ближайшего ознакомления идут быстро и успешно, и я желаю, чтобы и на будущее время они исключительно посвятили свои дни полезным занятиям, плоды которых со временем могут принести честь миссии» (причём не только миссии, но и российскому китаеведению. – А.Х.)⁵.

Кроме перевода с китайского языка сочинения *Пин-дин лоча фан-люэ* (с описанием «покорения» племен *лоча* (россиян) на Амуре), Иларион представил в Азиатский департамент статью «О сношениях России с Китаем и русской роте в китайских войсках [Пекина]», но эта работа не удостоилась публикации из-за негативной рецензии архимандрита Аввакума (в миру Д.С. Честного), который порой весьма критически оценивал работы своих пекинских коллег и особенно тогдашних китайских авторов, посвящённых истории русско-китайских отношений⁶.

Из опубликованных работ Илариона следует упомянуть его «Очерк истории сношений Китая с Тибетом» (с середины VII в. до 1844 г.), написанный на основе проработки сочинения Вэй Юаня *Шэн-у-цзи* (цз. 5) и сборника *Хуан-чао фань-бу яо-люэ* (цз. 17)⁷.

Благодаря красивому каллиграфическому почерку Иларион служил незаменимым помощником главы Пекинской духовной миссии при подготовке последним своих донесений в С.-Петербург, а также небольших статей, основанных на переводах с китайского языка. Об этом свидетельствуют многие архивные дела. Согласно ведомости о причте православной церкви в Пекине за 1856 г., Илариону Оводову, достигшему 28 лет, по представлению высшего начальства в июле 1854 г. были пожалованы золотые часы за его отличное поведение в кругу своих коллег и очевидные успехи в научных занятиях, несмотря на постоянное нездоровье, усугубляемое местным пекинским климатом⁸.

Не случайно в донесении от 24 декабря 1856 г. архимандрит Палладий связывал тяжёлые болезни своих коллег (порой с летальным исходом) с влиянием непривычного климата: «Мы недоумеваем, почему столько смертных случаев и неизлечимых недугов сокупились в малом обществе [из] 10 человек.

С нашей стороны, по совести [сказать], не было ни небрежности или невнимания к здоровью товарищей... Единственное пояснение, представляющееся нам в настоящих обстоятельствах, заключается в том, что многие из нас прибыли в Пекин, вероятно, с зародышами болезней, которые в чужом и непривычном климате, при усидчивой жизни... [впоследствии] обнаружили и обратились в неизлечимые»⁹.

Усиленные научные занятия Илариона в условиях непривычно жаркого и влажного климата в Пекине, где весенние песчаные бури из монгольских степей сменялись нестерпимой жарой и проливными дождями в летнее время, не могли не сказаться на слабом организме Илариона, который вскоре после приезда в китайскую столицу почувствовал себя нездоровым, на что тогда обратил внимание врач миссии Степан (Стефан) Базилевский. Согласно донесению Палладия от 23 марта 1855 г., Иларион в конце 1854 г. перешёл из Южного подворья миссии в Северное, «надеясь на более чистый воздух», в котором остро нуждался его заметно ослабевший организм. В донесении от 24 декабря 1856 г. (№ 230) Палладий сообщал в Петербург о резком ухудшении здоровья Илариона, заболевшего водянкой. «По убеждению доктора, – писал глава миссии, – состояние о. Илариона безнадежно... Больной не в состоянии подняться с постели и с покорностью воле Провидения ожидает исхода своего страдальческого томления»¹⁰.

Чтобы не приводить текст медицинского заключения и других документов по случаю кончины Илариона Оводов, обратимся лишь к повторному донесению архимандрита Палладия из Пекина от 23 апреля 1857 г. (№ 231), в котором говорилось:

«Печальная обязанность лежит на мне донести до сведения Департамента о кончине нашего бедного сослуживца, о. иеродиакона Илариона. Со времени последней почты из миссии, когда я счёл долгом письменно предупредить о тяжко-болезненном состоянии о. Илариона, положение его постепенно делалось хуже и хуже до того, что он не мог владеть ни единым членом тела. Водянка развивалась вопреки всем медицинским средствам и, наконец, удушение положило конец томлению больного. О. Иларион скончался спокойно: за несколько минут до последнего вздоха он приобщился Св. тайн, в полной памяти простился с товарищами по братской [совместной] жизни на чужбине и испустил дух, без видимых страданий. Это случилось 11 апреля, в четверг, светлые недели Пасхи. 14-го числа мы погребли тело покойного и затем освидетельствовали его имение [т.е. имущество].

Покойный о. Иларион, предвидя неизбежный исход своего рокового недуга, заблаговременно распорядился своими деньгами и вещами, поручив и устно и письменно исполнение воли своей духовному отцу своему – иеромонаху Евлампию, посему в уяснении [размера] оставшегося после покойного имения не предстоит никаких затруднений. Остаётся составить лишь опись оному, с показанием распределения денег и вещей (преимущественно на богоугодные дела), сделанные самим о. Иларионом. Таковая опись в своё время имеет быть представлена в Азиатский Департамент.

Донося о сем Департаменту, считаю долгом представить копии журнала Совета [миссии] по случаю кончины о. иеродиакона и медицинского свидетельства о болезни покойного» (написанного врачом миссии С. Базилевским. – А.Х.).

После того, как имущество М.Г. Оводова (включая его коллекцию «буддийских идолов») прибыло в С.-Петербург, в Азиатском департаменте прежде всего возник вопрос о передаче денег и вещей родственникам покойного. Для отыскания их Н.П. Игнатьев, возглавлявший тогда указанный департамент МИД, обратился с просьбой к бывшему начальнику Пекинской духовной миссии архимандриту Палладию, получившему после возвращения в С.-Петербург место настоятеля православной церкви в Риме.

Об ответе Палладия Н.П. Игнатьеву позволяет судить приводимое ниже его письмо из Рима от 23 января (4 февраля) 1864 г.:

«Письмо Вашего Превосходительства от 10 октября минувшего 1863 г., я имел честь получить в Риме 21 января (2 февраля) сего 1864 г. по вопросу об имуществе покойного сослуживца моего в Пекинской миссии иеродиакона Илариона и спешу доставить Вашему Превосходительству сведения, какие нашёл в сохранившихся у меня записях того времени.

Покойный иеродиакон Иларион перед смертью выразил желание, чтобы деньги, которые могли остаться от распределения его имущества на разные указанные им назначения в Пекине и в России, были препровождены к его родственникам.

Родственные же лица покойного, жительствующие в Архангельской губернии, из которой он был родом, суть тётка и крёстная мать его. Первая – вдова умершего чиновника Николая Ильина – Марья Антоновна Ильина, проживает в г. Архангельске, а крёстная мать – Фёкла Назаровна Попова, жена крестьянина Феодора Якимова Попова, [жила] в Нижнекойдокурской волости Архангельского уезда.

Кроме того, покойный иеродиакон Иларион имел переписку со священником Градской Казначеевской церкви в Архангельске – Александром Афанасьевичем Ивановским, но родственник ли он покойному или только друг, мне неизвестно. Не знаю также, живы ли все вышеуказанные лица и продолжают ли жить в сказанных местах. Я только уверен, что они единственные наследники денег, оказавшихся в Азиатском департаменте.

Доводя эти подробности до сведения Вашего Превосходительства, я пользуюсь настоящим редким для меня случаем засвидетельствовать чувства глубочайшего уважения и преданности, которые я всегда питал к особе Вашей»¹².

26 октября 1865 г. министр иностранных дел А.М. Горчаков представил царю доклад относительно передачи Академии Наук китайских предметов, хранящихся в Азиатском департаменте МИД, причём отметил, что «особенно замечательна коллекция буддийских идолов, поступившая в Азиатский департамент после смерти в Пекине иеродиакона Илариона»¹³.

Доклад назывался «О китайских вещах, хранящихся при Азиатском Департаменте». Слева на докладе имеется помета рукою Горчакова: «Высочайшее соизволение воспоследовало в Царском селе 26 октября 1865 г.».

Интересна история возникновения в Азиатском Департаменте довольно значительного собрания китайских вещей, начало которому было положено в 1841 г., когда дипломат Н.И. Любимов, будучи назначен приставом Пекинской духовной миссии (для сопровождения её нового состава из С.-Петербурга в китайскую столицу и возвращения старого на родину), привёз из Пекина коллекцию китайских редкостей. Часть из них поступила в Азиатский музей Имп. Академии Наук, а собрание, оставшееся в Азиатском Департаменте, впоследствии пополнялось присылаемыми из Китая и Японии художественными и бытовыми предметами, в числе которых оказалась и коллекция буддийских фигур, поступившая в Департамент после смерти члена Пекинской Духовной миссии иеродиакона Илариона.

«Желая сделать доступною публике коллекцию, принадлежащую Азиатскому Департаменту, – указывал А.М. Горчаков в своём докладе, – осмеливаюсь испрашивать Высочайшего Вашего Имп. Величества соизволения на передачу означенной коллекции в Имп. Эрмитаж, где, по отзыву Директора оногo, уже имеется небольшое собрание китайских вещей, которое весьма желательно постепенно пополнять».

При этом в качестве приложения к докладу также представлялась царю составленная драгоманом VI класса коллежским советником К.А. Скачковым¹⁴ опись хранившихся в Азиатском Департаменте вещей, насчитывавших более 120 предметов, разделённых на 8 групп (соответственно русскому алфавиту)¹⁵.

Для начала укажем несколько китайских предметов коллекции, представленных в виде фигурок из разного материала:

«*А. Китайские вещи.*

1. Амитофо, по-тибетски называемое Абида, или верховное существо, создавшее нирвану (Вселенную).

2. Шакьямуни, или Будда, называемый по-китайски Жулайфо, глава и распространитель буддийского учения в настоящую эпоху буддизма.

3. Шакьямуни, или Будда в том виде, как он изображается монголами.
4. Вэй-го пу-са – предтеча распространения буддизма в Китае.
5. Маньчжуши – гений, которому было поручено устроить Вселенную и надзирать и радеть за прочным её существованием.
6. Гуан-ши пу-са, по-монгольски Ариабола, а по-тибетски Авалакитешвара – китайское изображение, которому верховное начало (Абида) поручил исправление рода человеческого, развратившегося после грехопадения.
7. Га-шип, по-китайски Цянь-лай-фо, – монгольское изображение главы и распространителя буддийского учения в эпоху, предшествовавшую настоящей.
8. Эркинхан, по-китайски Ди-цзан-ван, – монгольское изображение владыки ада (Плутона).
9. Да-ра – монгольское изображение спутницы Хормузды, оказавшей услуги человечеству.
10. Да-ра-хэ – монгольское изображение благодетельницы человечества.
11. Я-ман-дага – монгольское изображение гения, посредника между людьми и богами. Все его атрибуты выражают власть, любовь и услужливость.
12. Лхама – монгольское изображение [персонажа] между людьми и богами.
13. Лю-ши – китайское изображение гения долголетия.
14. Тун – китайское изображение прислуги богов – 2 [статуэтки].
15. Изображение тибетского хутухты, начальствующего лица в буддийской иерархии.
16. Шоу-син – китайское изображение гения всех благ, которыми человек может наслаждаться в жизни.
17. Милофо (*Милэ-фо. – Ред.*) – монгольское изображение Будды, который явится в предстоящую эпоху буддизма (сделано из горного хрусталя).
18. Буддийский монах, вырезанный из кости.
19. Су-ме-ру – модель тибетского памятника, [выражающий] символ Вселенной.
20. Курду – цилиндр для механического чтения молитв.
21. До-ло-ницзин («Голони-цзин». – *Ред.*) – буддийский молитвенник на китайском языке – 1 экз.
22. Тибетские молитвы на отдельных листиках и при них печатные доски (одна – металлическая и четыре деревянных) – 82.
23. Уфо-гуань – венец с изображениями пяти Будд, надеваемый монахами при служении идолам.

24. Угун – прибор из двух подсвечников и трёх сосудов, поставляемый пред идолами.

25. Восковая свеча, употребляемая при служении идолам.

26. Цветочный сосуд, поставляемый пред идолами; принадлежит к очень старинному изделию из китайской бронзы.

27. Бронзовый колокол, употребляемый при служении идолам. Изделие – очень старинное.

29. Бронзовая курительница, изделие времён императора [правившего под девизом] Сюаньдэ Минской династии (в 1420-х гг.) (1426–1435. – *Ред.*) – 1.

30. Бронзовая курительница, изделие времён императора [правившего под девизом] Чжэндэ Минской династии (в начале XVI века) (1506–1521. – *Ред.*) – 1.

32. Бронзовая курительница, подделанная под старинную бронзу.

33. Курительные свечи – 5 связок.

34. Ху-шэн-цзин (*Ху-шэнь-цзин.* – *Ред.*), или зеркало, охраняющее тело; очень старинное бронзовое изделие с тибетскими надписями – 2 экз.

Б. Талисманы

35. Ху-фан-цзин, или зеркало, охраняющее квартиру [или дом]; очень старинное китайское бронзовое изделие – 2 экз.

36. Ши-па-вэй-ло-хай (*Ши-ба-вэй лохань.* – *Ред.*), или чётки с изображением 18 знаменитых буддийских сподвижников. Это – талисман благополучия.

В. Мужские принадлежности [№№ 37–53]

Г. Женские принадлежности [№№ 54–74]

Д. Картины, стенные надписи и кабинетные принадлежности

75. Портрет знаменитого иезуита Матео Риччи – 1 экз.¹⁶

76. Портрет маньчжурского чиновника – 1 экз.

77. Картины на листах – 31 экз.

78. Настенные надписи, китайские и маньчжурские – 10.

79. Писчая бумага – 1 свёрток.

80. Разноцветная бумага – 5 дестей.

81. Почтовая бумага – 16 листиков.

82. Кисти (для письма) – 8 штук.

83. Прибор из раковины для воды под промывку кистей – 1 экз.

84. Линейка.

85. Бронзовая коробка для кабинетного стола; изделие времён императора [правившего под девизом] Сюаньдэ Минской династии (в 1420-х гг.).

Е. Домашние принадлежности

86. Жу-и – подобие скипетра, составляющего неотъемлемую принадлежность в каждом китайском семействе – 1 экз.

87. Бамбуковые подушки – 2 шт.
 88. Бритвы – одна пара.
 89. Прибор ножей, в футлярах – 4 экз.
 90. Куайцзы – прибор костяных столовых палочек.
 91. Куайцзы – прибор деревянных столовых палочек – 1 экз.
 92. Жестяные ложки – 3 шт.
 93. Жестяные вилки – 3 шт.
 94. Хо-го-цзы – сосуд для варки еды – 1 экз.
 95. Плевательница – жестяная.
 96. Плевательница из графитовой композиции – 1 экз.
 97. Медные подсвечники со свечами – 1 пара.
 98. Щипцы – 1 экз.
 99. Щётка.
 100. Метёлка из хвостов тибетской коровы (яка) – 4 экз.
 101. Висячий замок – 1 экз.
 102. Кальяны и при них приборы для кремня – 2 экз.
 103. Кокосовые чашки – 2 экз.
 104. Мускатные орехи и бетель – одна коробка.
Ж. Гастрономические принадлежности
 105. Ласточкины гнёзда – 1 коробка.
 106. Мятные пряники – 1 коробка.
 107. Чай-пуэрча – 2 куса.
 108. Вермишель – 1 ящичек.
 109. Визига – 2 связки.
 110. Сухие дрожжи – 1 кусок.
3. Модели
 111. Коллекция китайских экипажей – 10 [предметов].
 112. Китайские телеги – 2 экз.
 113. Джонки (лодки) – 2 экз.
 114. Глиняные куклы, изображающие театральные персонажи – 10 экз.
 115.
 116. Пушка – 1 экз.
И. Разные вещи
 117. Ассигнация ценностью около 50 коп.; принадлежит к временам правления Минской династии, а именно к первым годам XVI столетия – 1 экз.
 118. Медная монета, какая употреблялась в Китае до Р.Х.; фальшивого новейшего изделия.
 119. Медная монета [чох], ныне употребляемая в Китае – одна связка.
 120. Тянь-пань, или астрономическая тарелка, по которой определяются счастливые места, назначаемые под постройку дома либо

под суточное сидение молодой жены, только что прибывшей к своему мужу, и проч. – 2 шт.

По сей описи получил действительный статский советник А. Куник»¹⁷.

В описи указаны также японские лаковые изделия и корейские вещи.

Хочется надеяться, что будущая судьба коллекции М.Г. Оводова, нуждающейся в новом современном описании, будет столь же благоприятной, как у предметов и книг, привезённых П.К. Козловым (1863–1935) из Монголии и Китая в 1909 г.¹⁸

Примечания

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. СПб. Главный архив I–5, 1823, д. 1, папка 32, л. 11.

² АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I–5, 1823, д. 1, п. 51, л. 341, 372.

³ Там же, л. 677.

⁴ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I–5, 1823, д. 1, папка 51, л. 630; Там же, папка 45, л. 81, 77.

⁵ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I–5, 1823, д. 1, папка 85, л. 6–8.

⁶ Примечательно, что рукописным переводом Илариона китайского сочинения *Пин-дин ло-ча (фан-люэ)* пользовался Г.В. Мелихов, назвавший Оводова Иларионом Лежайским, умершим в Пекине. Вот что он писал по этому поводу: «Первый в мировой синологии перевод памятника на русский язык принадлежит иеродиакону Иларию (Лежайскому) и был завершён в марте 1854 г. (см.: ГПБ, Рукописный отдел, К-10, Иларий), однако тогда [он] не увидел света. К настоящему времени этот перевод несколько устарел. К его недостаткам следует отнести некоторую неточность, пропуск нескольких документов; в перевод Илария не вошло и заключение источника, в котором даны некоторые важные оценки» (см.: «Русско-китайские отношения в XVII в.». М., 1972, т. 2, с. 797).

⁷ «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине». Т. 2. СПб.: В типографии Штаба военно-учебных заведений, 1853, с. 445–491.

⁸ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I–5, 1823, д. 1, папка 122, л. 26–27.

⁹ Там же, л. 31.

¹⁰ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I–5, 1823, д. 1, папка 122, л. 30.

¹¹ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I–5, оп. 4, 1823, д. 1, п. 96, л. 7–8.

¹² Отец Илариона – священник Антониево-Сийского монастыря Григорий Оводов умер 17 января 1854 г. Ему по желанию сына (Илариона) следовало передать 200 руб. после получения их Азиатским департаментом от коллежского секретаря Байкова. См.: АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I–5, оп. 4, 1823, д. 1, папка 96, л. 6.

¹³ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I–1, оп. 781, 1865, д. 21, л. 64.

¹⁴ Подробнее о Константине Адриановиче Скачкове (род. 4 июля 1821 г. – ум. 26 марта 1883 г.) – видном китаисте и дипломате см.: *Хохлов А.Н.* П.И. Кафаров: жизнь и научная деятельность (Краткий биографический

очерк) // П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (К 100-летию со дня смерти). Материалы конференции. Часть 1. М.: Изд. «Наука», ГРВЛ, 1979, с. 32–37.

К.А. Скачков весьма тепло отзывался о Паллади Кафарове и высоко ценил его эрудицию. Об этом можно судить по следующей записи, сделанной им в своём пекинском дневнике за 50-е годы: «Сегодня мало-мало шо-хуа (разговаривал) с ПЛ (Па-лао. – Палладием). Необыкновенное удовольствие с та шо-хуа (с ним разговаривать). Как много знает, как много здравого смысла и деликатного такта». См.: Российская Государственная библиотека (М.). НИОР, ф. 273, картон 11, ед. хр. 1, л. 56.

¹⁵ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I–1, оп. 781, д. 175, л. 64–70.

¹⁶ Чтобы лучше представить портрет известного миссионера иезуита Маттео Риччи (1552–1610), жившего в Китае, обратимся к объёмной информации, представленной её автором (Н.П.), которая, помимо прочего, позволяет выявить имеющиеся в ней некоторые фактические неточности. Вот вкратце начало и конец комментаторского авторского текста:

«Погрудный портрет [изображает] сидящего в трёхчетвертном повороте бородатого мужчину-европейца, облачённого в тёмно-зелёный халат с широким белым отворотом. На голове его убор „гунтяньгуань“... который имели право носить император и высшие чиновники Китая. Халат не имеет аналогий среди одежд китайских чиновников... При сравнении эрмитажного экземпляра с существующими портретами Маттео Риччи... бросается в глаза сходство изображённых персонажей – тот же овал лица, разрез глаз, форма носа и бороды, тот же костюм и головной убор...

Портрет происходит из собрания дьякона [?] Русской Духовной миссии в Китае Иллариона, завещавшего свою коллекцию имп. Эрмитажу [?] (ссылка на: АВПРИ, ф. СПб. Главный архив IV-33, оп. 144, д. 50, л. 1, 4. – А.Х.). В его завещании (примерно конец 1830-х гг.) [?] было отмечено, что на портрете изображён миссионер Маттео Риччи.

В 1841 г. коллекция дьякона Иллариона была привезена приставом [Н.И.] Любимовым по поручению МИД России в С.-Петербург, в Азиатский музей» (Цит. по: Гос. Эрмитаж. Каталог выставки. Китайское экспортное искусство из собрания Эрмитажа. Конец XVI–XIX вв. СПб., 2003, с. 188. – А.Х.).

Из сравнения последних двух абзацев выше цитированного пассажа с текстом нашей статьи нетрудно заметить ошибки не только в написании имён и звания иеромонаха Иллариона Оводова, но и явное искажение фактов, касающихся завещания им коллекции, назначения её преемника и доставки в С.-Петербург в адрес Азиатского музея.

¹⁷ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I–1, оп. 781, д. 21, с. 64–70.

В конце выше приведённого документа имеется карандашная помета: СПб. Главный архив, оп. 781, д. 175, л. 64–70.

¹⁸ Подробнее см.: Самосюк К.Ф. Буддийская живопись из Хара-Хото XII–XIV в. Между Китаем и Тибетом: коллекция П.К. Козлова. СПб., Эрмитаж, 2006, 423 с.